

РОДНИК РУССКОГО РЕАЛИЗМА

175 лет со дня рождения Н. В. Гоголя

Думая о Гоголе, размышляешь о всей великой русской литературе. И встает изумительная картина ее развития. Открывается ее роль в становлении, утверждении и углублении передовой русской мысли, в освободительном движении. Пушкин был другом декабристов и знаменем декабризма. Творчество Гоголя и его последователей послужило для Белинского, Чернышевского и Добролюбова основанием при создании теории реализма, исполненной революционного смысла. Мы знаем, какое значение придавал русской литературе Ленин, назвавший Толстого «зеркалом русской революции» и шагом вперед в художественном развитии человечества.

Думая о Гоголе, мы в полной мере осознаем значение его бесценного наследия для нашего времени. И снова и снова убеждаемся: Гоголь с нами. И дважды с нами: как автор своих бессмертных творений и как предтеча и неисчерпаемый источник, питающий и вдохновляющий развитие нашего советского искусства. Читая Гоголя, мы испытываем величайшую радость от его возвышенной веры в человека. Она, эта радость, тем более изумляет нас, что Гоголь, как мало кто из великих его собратьев по перу вообще, может быть, как никто знал, какие соблазны встречают, подстерегают человека и человечество на путях осуществления их призвания.

Насколько это важно в наше охваченное тревогой время, говорить не приходится. Гоголь соединяет в своем искусстве грозную истину с огненной призывностью. Гоголевский реализм, не побоюсь сказать, в буквальном смысле набатен. Это тем удивительнее, что по силе смеха Гоголь, как сказал о нем Достоевский, не знает себе равных во всемирной литературе. За ним утвердилась репутация художника, у которого смех будто заменяет положительного героя. Я бы решился расширить эту формулу и сказать, что положительный герой Гоголя — сам Гоголь, создавший в своих творениях величественный образ автора. В наших заботах о положительном герое в современной литературе мы пока еще не извлекли всех уроков из гоголевского набатного реализма.

Новая русская литература, начавшаяся Пушкиным и Гоголем, заняла первенствующее место среди старейших литератур мира и с тех пор оказывает мощное влияние на мировой литературный процесс. Она предугадала ведущую роль нашего народа в судьбах всех народов, явилась гимном человеку и его всепобеждающим возможностям.

Гоголь — непосредственный преемник Пушкина, удостоившийся его личного благословения и одобрения, но и инициатор нового направления в русской литературе. Пушкин дарит ему сюжеты двух главных произведений — «Мертвых душ» и «Ревизора». Конечно, тут имеет место и творческая щедрость Пушкина, пронесшаяся из его безбрежного доброжелательства, из неисчерпаемого запаса творческих замыслов, из заинтересованности в дальнейших успехах русской литературы, за судьбы которой

он чувствовал личную ответственность. Но дело не сводится лишь к этому. Пушкин, несомненно, почувствовал в Гоголе преемника, уверовал в способность Гоголя придать иной поворот его замыслам. Таким образом, Гоголь формировался в недрах пушкинской художественной системы. Однако в своем роде и как антипод ее. С гениями всегда так: один продолжает другого, поскольку и противостоит ему...

Успех Гоголя на литературном поприще был ошеломляющим. В нем еще при Пушкине увидели гения, как бы пришедшего на смену Пушкину. И это заявил не кто иной, как Белинский. Для своего времени такой тезис Белинского был оправданным, хотя, конечно, Гоголь и не заменил и не отменил Пушкина. Тем не менее необходимость писателя такого толка, каким был Гоголь, к тому времени вполне назрела. Это доказывает тем, что в 40-е годы, еще при жизни Гоголя, образовалась так называемая «натуральная школа», которая затем объединила таких писателей, как Достоевский и Герцен, Тургенев и Некрасов, Островский и Гончаров, Салтыков-Щедрин и Лев Толстой.

Характерно, что именно Толстому при появлении первого же из его произведений, Некрасов, будучи редактором «Современника», писал, что по силе правды русская литература не знала ничего равного после Гоголя. Много позже Тургенев, обращаясь к литературным источникам, из которых возник Толстой, на первое место ставит Гоголя, а потом уже Пушкина. И тут я скажу: для своего времени это было верно. Нечто подобное тому, что было сказано Тургеневым о Толстом, говорилось и о самом Тургеневе. Также — и о Гончарове. В особенности же об Островском, Некрасове и Салтыкове-Щедрине. Словом, Гоголь был правомерно признан отцом «натуральной школы».

Но при этом Пушкин оставался Пушкиным. Более того, признание его роли как царственной фигуры в русской литературе продолжало неуклонно нарастать. Писатели «натуральной школы», создавшие национальную и всемирную славу русской литературе, сразу же произнесли клятву на верность и Пушкину, и Гоголю. Я убежден, что и самого Гоголя можно по достоинству оценить лишь как преемника Пушкина. Гоголь сам прекрасно сознавал это. Да и как ему было не осознавать этого, когда он обязан ему, как уже говорилось, замыслом своих основополагающих созданий.

«Ревизор» был написан примерно за два месяца. Гоголь знал, к кому обратиться за сюжетом, подходящим для себя, и Пушкин сознавал, какой сюжет наиболее подходит Гоголю. По словам Гоголя, пьеса написана им с правдой и злостью. Сказав так о «Ревизоре», Гоголь и указал на черту, отделяющую его от Пушкина. Сатира не являлась эстетической установкой Пушкина. Это — качество писателей «натуральной школы».

Выйдя из Пушкина, Гоголь сразу же пошел своей дорогой. Но тем острее была у него потребность примерять себя к Пушкину и держать от-

чет перед ним. Потому гибель Пушкина воспринял Гоголь как национальное бедствие и ничем не восполнимую личную утрату.

«О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни и как печально было мое пробуждение».

«Как странно! Боже, как странно. Россия без Пушкина...»

Прекрасным сном Пушкин был не для одного Гоголя — для всей русской литературы. И не только для литературы. Для всей России. Прекрасным и мгновенным сном. Более не повторившимся, а значит, тем более вечным. Вообще в мире духовном, в особенности же мире искусства, ничто не повторяется. Не повторялся ни сам Гоголь, ни Достоевский или Толстой. Однако они как-то преломлялись и преломляются в творчестве своих выдающихся последователей. С Пушкиным и этого не произошло. Тем не менее над всей нашей литературой витает именно дух Пушкина; он — наша национальная святость. И он вечный и недосыгаемый образец для всех наших художников.

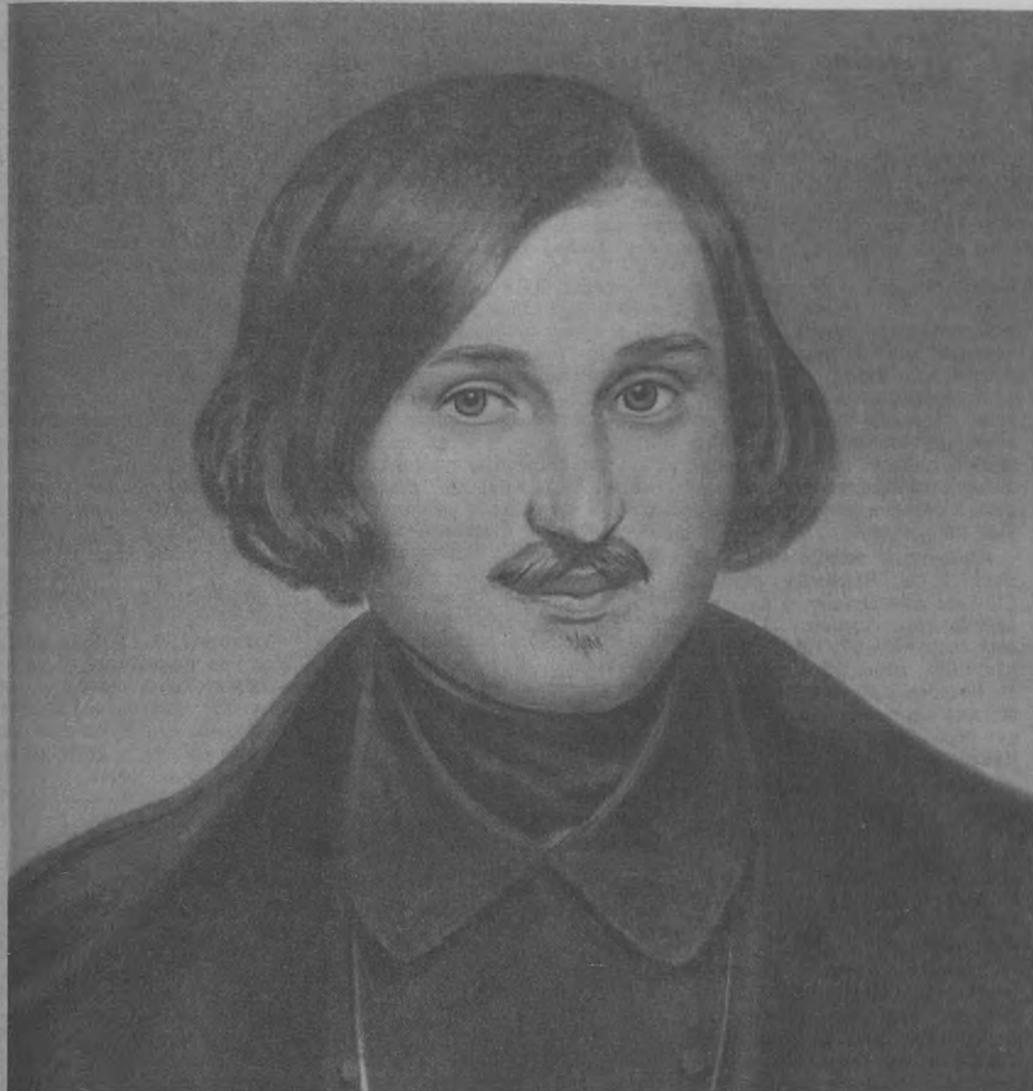
Гоголь ближе к земле, к повседневному запросам. Он художник моралистического порядка, поставивший свое искусство непосредственно на службу гражданским интересам.

У Гоголя художник является истинным творцом, лишь если исполняет нравственные обязательства, возложенные им на себя. Это, разумеется, самые возвышенные обязательства, в первую очередь обязательство служить своему отечеству, приносить ему пользу. Но ведь для этого нужно любить отечество. Между тем оно такое разное. В нем есть достойное как любви, так и обличения. Как же в таком случае восхитаться своим отечеством? Гоголь находит выход из этого положения, заменяя любовь состраданием и считая сострадание началом любви.

На этом пути Гоголь достиг величайших успехов, однако здесь таились для него и непреодолимые трудности. Показательно в этом отношении его расхождение с Пушкиным в оценке первых глав «Мертвых душ» в недошедшей до нас редакции. Прослушав их, Пушкин воскликнул: «Боже! Как грустна наша Россия!» Гоголь ждал иного возгласа от Пушкина. Ему не казалось, что Россия, представляемая им, уж так грустна. Пушкин увидел в гоголевской России то, чего не видел сам Гоголь. В то же время счастье Гоголя в том, что он не согласился с Пушкиным, иначе бы Россия предстала у него какой-нибудь иной, негоголевской. А так Пушкин остался сам по себе, а Гоголь — сам по себе. В результате «Мертвых душ» наряду с «Евгением Онегиным» легли в основание русского романа.

Вероятно, Гоголю невозможно было без Пушкина. Да он и кочился на первом томе «Мертвых душ», которые сам объявил созданием Пушкина. Вероятно, Толстой прав, утверждая, что, если бы с Пушкиным не случилось трагедии, не потерпел бы краха и Гоголь. Понятна реакция Гоголя на смерть Пушкина — она и душераздирающая, и душевозвышающая.

Гоголь снова и снова воз-

вращается к теме о столкновении в России прекрасного с ужасным. Так он устремлен к прекрасному, и такой ужас на него наводит ужасное.

Гибель Пушкина чрезвычайно обострила интерес Гоголя к трагической судьбе прекрасного в России. Как ни страдал он от гонения на прекрасное в его отечестве, тем не менее верил в то, что победа останется за прекрасным.

Пушкин — поистине душа русской литературы. Гоголь больше плоть ее. Он весь в углублении, в подземном слое бытия русского, взятого во всей целостности. В нем что-то есть от протопопа Аввакума, сожженного по царскому указу. Гоголь устроил самосожжение на костре своего творчества, осветив его пламенем изысканной и приниженной Русь с ее вековыми залежами энергии к своему пробуждению. Гоголевская Россия — напугалась самое себя, а это и явилось признаком начала ее пробуждения.

Гоголь — гений великих обязательств. Всего себя отдает он служению отечеству. И если уезжает на чужбину в Италию, то, кажется, только затем, чтобы пристальнее всматриваться из дальних краев в лик своего отечества. «Теперь передо мною чужбина, вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, не гадкая Русь, но одна только прекрасная Русь...»

Гоголь знает, на что идет, обнажая языки современной России, добираясь при этом до таких глубин, до которых не добирался никто ни до, ни после него. И, делая все это, вместе с тем рисует Россию во всей ее неповторимой красоте. Он берет на себя как бы роль мессии, провозвестника. А его оружие — только слово. Он воображает себя будто на кафедре, где его аудиторией становится вся Россия. Он намерен заворожить ее, возбудить в ней дух возмущения против всех мерзостей, порыв ко всему прекрасному. Мощью и красотой своего слова он расчитывает «одних... поднять, других опрокинуть».

Култ слова связан у Гоголя с надеждой на преображение человека под воздействием одного только внушения. В

итоге он часто выводит слово из-под контроля самой реальной жизнью. А в этом заключалась и опасность для слова.

Суть Гоголя, как и всякого великого повествователя, в его героях и его отношении к ним. Я не сказал бы, что Гоголь поражает нас многообразием героев. Сила его скорее в обнаружении невероятного несходства в до предела сходных характерах. Следовательно, и в фактических превратностях, происходящих с одним и тем же человеком. В самом деле, чего стоит гоголевское отлучение носа от его обладателя! Тем более «Нос», несомненно, — одно из самых трагических произведений Гоголя, ибо что может быть страшнее, чем распад человеческой личности, до предела наглядный и осознанный ею самой!

Да, польза человека — решающая тема Гоголя, и хотя он говорит, что «Ревизор» «смешные черта», однако и в «Ревизоре» смех смешан со слезами. В конце концов люди устыдились, если не самих мерзостей, то по крайней мере того, что стали жертвами их, о чем и говорит заключительная реплика городничего: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!» Гоголь недаром называл себя психологом как автора «Мертвых душ»: он проник в этом своем гениальнейшем произведении в самую бездну человеческих душ, выводя на свет божий всевозможные варианты окаменения их.

Думая о Гоголе, о том, кем он стал для нас, задумываешься и о том, как мы ведем себя по отношению к Гоголю, какое место занимает его наследие в нашей современной духовной жизни. В проблеме классики Гоголь — одна из важнейших сторон ее. Есть мнение, будто классика делается школой для нас, поскольку мы обнаруживаем в себе способность перекинуть мост в то время, когда жил тот или иной классик. С этим можно согласиться, но с той оговоркой, что если в том времени обнаружим мы нити, связывающие его с нашим временем. Ибо когда бы ни жил человек, он неизменно остается человеком. И этим он интересен для всех грядущих поколений.

Здесь важно, как обнаружилась в нем его человечность. По глубине и многообразию средств проникновения в этот процесс с русской классической литературой ничто не сравняется. И Гоголь идет рядом с Пушкиным, Толстым и Достоевским.

Но где истинная польза человека, там и истинное доверие к человеку. У Гоголя это соединение — едва ли не самый трудный случай во всемирной литературе. По поводу героев «Мертвых душ» он то заявляет, что они «вовсе не злодеи», а, напротив, близки его душе, то, что у него нет ничего общего с этими уродами. Тут опять-таки сразу и слабость, и сила Гоголя. Он ведь искренне привязан к своим героям. Однако лишь в том смысле, что не отказывает им в принадлежности к роду человеческого. Гоголевские слова о человеке поистине поражают своей актуальностью: «Человека нельзя ограничить другим человеком; на следующий год окажется, надо ограничить и того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничением не будет конца... Нужно оказать доверие и к благородству человека, а без того не будет вовсе благородства».

Задумываясь о Гоголе в связи со 175-летием со дня его рождения, снова и снова задумываешься о значении для нас классических традиций. Ныне проблема классики остра как никогда, ибо классика — это проникновение в судьбы человечества и назначение человека. Общими словами о сооружении моста между временем классиков и нашим тут не отделаешься, ибо каждое время обладает своим представлением о человеке и человечестве. Следовательно, у него своя мука и свое наслаждение в шестив по этому пути. Переименовая несколько подписей Гоголя под письмом Пушкину, скажем в заключение, что Гоголь «вечно наш». Поскольку, думая о нем, ставим перед собой задачу воспринять и понять его как единственного, занятого собою так же, как занят он всеми нами. Он вечно наш — Гоголь!

Борис БУРСОВ.

г. Ленинград.